

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.22

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2013 г. А. Д. Зарецкий, Т. Е. Иванова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Рассмотрены различные модели организаций кластерных образований на основе исследования российского и международного опыта. Приведены краткие описания различий в концепциях формирования и развития кластеров в разных странах мира. Рассмотрены проблемы, связанные со стимулированием кластерного подхода в условиях присоединения России к ВТО.

Ключевые слова: *социальная справедливость; региональные аспекты; экономические отношения.*

Authors use the analysis of social justice and the economic relations, as it is understood in the different regions, like an instrument, which gives a possibility to bring out the possibilities of settling some social contradictions that appear in the concrete historical period (for nowadays Russia — a period of changing the state system from socialist economy and policy to liberal market).

Key words: *social justice; the regional features; economic relations.*

Социальная справедливость, как высшая ценность человеческого общества, является императивом жизни в любые времена и в любых странах. Осуществляемые в современной России региональные социально-экономические преобразования в условиях хозяйствования и перераспределения благ, непосредственно отражаются на изменении положения и социального самочувствия граждан и с неизбежностью воспроизводят прочно связанные с бытием и природой каждого индивида желания справедливого отношения к нему и его семье.

Безусловно, социальная справедливость важна во всех компонентах жизнедеятельности общества: социальных, исторических, политических и иных, но особое, базисное значение, по нашему мнению, принадлежит стремлению к социальной справедливости в экономических отношениях,

поскольку именно их характер определяет всю жизнеобеспечивающую структуру общества. Это обстоятельство особенно актуально для России, которая реализует задачу модернизации всей социально-экономической жизни в направлении рыночной экономики в условиях социально-психологической неустойчивости общественного сознания: одна часть населения принимает нормы и правила рыночной системы, а другая, напротив, считает, что социально справедливые условия жизни были и могут быть только при социализме. Кроме того, большая часть из 83-х субъектов Российской Федерации (по имеющимся данным, около 50 субъектов) не в состоянии решать самостоятельно свои экономические региональные проблемы, обеспечить наполнение своего бюджета и вынуждены использовать трансферты федерального правительства.

Объективная множественность аспектов и сложность затронутых проблем обуславливают целесообразность использования онтологического подхода к анализу социальной справедливости в пространстве региональных экономических отношений с позиции исследования условий политико-экономической устойчивости общества и поиска инструментария экономической политики, отвечающей национальным интересам современной России.

Сколько существует человечество — ровно столько оно обеспокоено поиском решения проблемы социальной справедливости. Все люди в мире хотят справедливого к ним отношения и в первую очередь справедливого распределения имеющихся в обществе экономических благ. Еще Платон в своих рассуждениях об идеальном государстве отмечал, что «...несправедливость — величайшее на свете зло» [2]. Затем в Священном Писании у христиан появилась знаменитая притча о богатом, которому войти в рай также трудно, как верблюду пролезть через игольное ушко. Поскольку разделение на богатых и бедных — как одна из основных причин социально-экономического неравенства — имеет более, чем тысячелетнюю историю, проблема справедливости за этот период эволюционировала и приобретала в общественном сознании самые различные оттенки нравственного, правового, экономического, этического и иного (в том числе божественного и космического) характера. Постигание смысла социальной справедливости являлось предметом исследований выдающихся мыслителей, известных всему миру. Но в них преобладали преимущественно философско-психологические и нравственные аспекты социальной справедливости. В 1970-е гг. широкий резонанс получила «Теория справедливости», созданная президентом Американской ассоциации политических и социальных философов Джоном Роулзом [3], в определенной степени затрагивающая экономические отношения и ставшая впоследствии классическим произведением неолиберальной мысли, споры вокруг которого не утихают с течением времени.

Концепция социальной справедливости в экономическом контексте стала оформляться во времена Ренессанса (XV–XVI вв.), когда появилась идея новой социально-экономи-

ческой системы, преодолевающей внеэкономическое феодальное принуждение. В то время она существовала как некая абстрактная установка, исходившая из романтического и утопического представления о справедливом устройстве общества.

Зародившаяся в начале XVIII века первая школа буржуазной политической экономии — меркантилизм, практически порывал с устоявшимися идеями социальной справедливости, апеллируя к текстам Священного писания и отождествлял богатство и справедливый порядок исключительно с накоплением золота и денег, основным источником которых являлась внешняя торговля, всячески поощряемая государством. Учение о богатстве и его источниках далее развивалось физиократами — приверженцами культа земли, как первородного источника богатства, которые не только изменили взгляд на его форму, но и разделили общество на три класса: производительный (все, занятые в сельском хозяйстве), класс собственников-землевладельцев, включая короля и духовенство и бесплодный (непроизводительный) класс, объединяющий всех остальных граждан вне земледелия (ремесленников, предпринимателей, наемных рабочих и торговцев). В соответствии с таким делением оценивались экономические отношения между людьми и нормы их справедливости.

Проблема бедности и богатства русского народа отражена в «Книге о скудости и богатстве» И. Посошкова (1724 г.). Видя причину бедности в непомерном бремени, возложенном на крестьянство из-за стремления господ жить в богатстве и роскоши, И. Посошков считал необходимым, чтобы самодержец-государь и его правительство изменили положение: искоренили праздность, сделали труд обязанностью всех, пересмотрели устои крепостного права. Вообще феномен крепостного права является исключительным с точки зрения социальной справедливости, и его отголоски еще долго наблюдались и в новейшей истории России.

На рубеже XVIII–XIX веков мир взбудоражили идеи социальной справедливости К. Сен-Симона и других социалистов, на время оттеснившие проблемы экономического либерализма, заложенные А. Смитом в «Исследовании о природе и причинах богатства

народов» (1776 г.). В начале XIX века идеи утопистов трансформировал Ж. Сисмонди, утверждавший, что трудом рабочих производится больше благ, чем можно купить за заработанную плату. Он ввел в оборот такие понятия как «сверхстоимость», «прибавочная стоимость», и он же сделал первый анализ концентрации капитала и пауперизации¹ пролетариата. На этой основе Р. Оуэн, американский меценат, переехавший в Англию, считавший, что характер человека — продукт общественной среды, для которой он сам служит лишь сырьем, стал проповедовать общественное устройство без частной собственности.

Вообще, частная собственность на средства труда и имущество — это наиболее возбуждающий фактор при обсуждении проблем справедливости в экономических отношениях. На этой волне в 1840 г. появилась известная работа П. Прудона с заголовком-вопросом: «Что такое собственность?» [4] и ответом в тексте: «Это кража!». В своей книге он утверждал, что собственность — это самоубийство общества и предлагал создавать кооперативы, в которых все рабочие являлись бы собственниками средств производства и избирали своих руководителей (пробораз акционерных обществ).

Согласно своим взглядам на справедливое устройство общества, П. Прудон отстаивал одновременно антикапитализм («отрицание эксплуатации человека человеком»), антиэтатизм («отрицание власти человека над человеком»), антитеизм («отрицание поклонения человека человеку»). По его мнению справедливости противостоят две силы:

— накопление капитала, которое постоянно увеличивает неравенство;

— государство, которое, под прикрытием демократических институтов, легализует и узаконивает присвоение богатств исключительно капиталистами.

Таким образом, он выступал и против капитала и против государства. Хотя взгляды П. Прудона подвергались критике, в т. ч. К. Марксом, впоследствии они стали определяющими в философии марксизма-ленинизма.

Идеи о возможности, или, точнее, невозможности достижения социальной справедливости в общественных отношениях при капитализме принижают политическую экономию К. Маркса, основные положения которой изложены в его эпохальном труде «Капитал» (1867–1905 гг.). К. Маркс считал, что экономика — основа всех социальных наук. Ее законы всевластны, так же как и законы материализма. Он считал, что в мире действует только материалистическая логика, которая ставит искусство, философию и право в зависимость от социально-экономических институтов и собственности. Можно сказать, что К. Маркс выступил основным «нарушителем» установленного порядка жизни в середине XIX века, разделив всех людей на два общественных класса в соответствии с природой благ, которыми они обладают — «труд» или «капитал» — со всеми вытекающими формами неравенства и социальной несправедливости.

В политической экономии К. Маркса нашли отражение те онтологические аспекты справедливости, отраженные в работах философско-политологического направления, которые прежде всего противостояли сложившимся к тому времени представлениям о несправедливости в обществе. При этом они спроецированы на классовую структуру общества и фактически соотносятся со стадиями воспроизводственного процесса и системой сложившихся институтов в сферах производства, распределения и потребления благ. Основным источником противоречий и несправедливости — по Марксу — является частная собственность на средства производства, порождающая, в погоне за сверхприбылью, непомерную эксплуатацию рабочего класса. Общественный конфликт, требующий своего разрешения, был проанализирован как с позиций угнетенного работника, так и в диалектическом аспекте развития общественно-экономической формации в целом, базируясь на взглядах А. Смита, У. Петти, И. Бентама, В. Вейтлинга и др. Апофеозом марксовской концепции справедливости является «Манифест коммунистической партии» [5], содержащий программу действий по за-

¹ Пауперизация — обнищание.

мене существующего «несправедливого» капиталистического строя на «справедливый» коммунистический (социалистический).

Хотя к моменту выхода «Капитала» были известны либеральные идеи Дж. Локка, Т. Гоббса, Ш. Монтескье и Г. Гегеля, но в условиях развития индустриальной фазы Промышленной революции возобладали глубоко материалистическая позиция, увлекшая своей философией многих теоретиков и революционеров-практиков. Среди них оказался и В. Ульянов (Ленин), который впитал идеи К. Маркса, трансформировал их по-своему и, создав политическую партию, реализовал в России в 1917 г. Появление на мировой политической карте Советской России стало олицетворять совершенно новую теоретико-методологическую основу социальной справедливости: политическую и экономическую власть в стране взял в свои руки неимущий класс — пролетариат, который, по заветам П. Прудона и К. Маркса, упразднил частную собственность и национализировал все средства производства.

Образы социальной справедливости в советской экономике

Изменение социально-политического строя в России характеризовалось многообразием новых советских институтов, призванных реализовать принципы справедливости в той форме, в какой они представлялись руководящей политической партии.

Исторический экскурс дает примеры своеобразных экономических форм в СССР — от продразверстки до планового распределения создаваемых благ.

Но при этом в обществе появился латентно класс устойчивой бюрократии, который формально не владел средствами производства, но неформально распределял все создаваемые обществом экономические и социальные блага, направляя их значительную долю себе в виде специальных каналов обеспечения потребительскими товарами, закрытых лечебно-оздоровительных учреждений с повышенным комфортом и т. п. Но, тем не менее, такая ситуация, при которой советская бюрократия открыто имела богатые особняки, личную охрану, дорогие бронированные автомобили, обеспечение из специального распределителя и др., населением бывше-

го СССР воспринималось как нормальное и справедливое в течение нескольких десятилетий при том, что основная масса граждан страны жила довольно бедно. Более того, попытки бывшего председателя Правительства СССР Г. Маленкова, после кончины И. Сталина в 1953 г., устранить эти привилегии правящей бюрократии привели к его отставке и возвышению Н. Хрущева, который ратовал за их сохранение.

И только в 1980-е гг., когда с открытием «железного занавеса» у большинства советских граждан появилась реальная возможность сравнения уровня жизни в стране с западным, в обществе лавинообразно стало нарастать недовольство отечественной бюрократией. Глубинной причиной осознания несправедливости явилось противоречие между трудом и капиталом в бывшем СССР. Но в новой исторической ситуации, в отличие от марксистской модели, одной из сторон противоречия выступил созданный за советский период неповоротливый и неподъемный, «ничейный» капитал, в который были вложены громадные трудовые, природные и финансовые силы, и который «навис» над низкооплачиваемым и низкопроизводительным трудом, не имевшим рыночной (в т. ч. миграционной) мобильности и материальной мотивации, удерживаемым по месту работы советской «государственной пропиской» и другими элементами принудительного характера.

В результате производимая отечественная продукция имела низкое качество и пользовалась спросом внутри страны лишь в силу масштабного товарного дефицита. Когда в 1990-е годы страна наводнилась импортными товарами высокого качества, а вместе с ними и информацией о механизмах социально ориентированной, прежде не признаваемой западной рыночной экономики, реально способствующей процветанию общества и каждого человека, сомнения в идеальности устройства российской (советской) экономики стали не только предметом острых дискуссий, но и руководством к действию для предпринимательского класса. Сложившаяся ситуация, в конечном счете, завершилась распадом в декабре 1991 г. Советского Союза. Но это совсем не означает, что проблема достижения социальной справедливости стала неактуальной в современной России.

На рубеже XX и XXI веков в необъятном пространстве различных вариантов сочетания типов государственного устройства, форм правления и политических режимов в мире сложились две основные модели социально-экономических отношений, влияющих на характер социальной справедливости:

— социалистическая, в которой справедливым считается лишь распределение по труду при наличии равных социальных гарантий для всех членов общества и основным принципом, характеризующим положение личности в обществе, провозглашенным в Конституции СССР 1936 г. (ст. 12), «от каждого по его способностям — каждому по труду»;

— рыночная, в которой венцом социальной справедливости считается рыночное распределение доходов по факторам производства в условиях совершенной конкуренции и активная социальная политика, подчиненная принципу социальной компенсации, что является основным отличием социального рыночного хозяйства от капитализма; здесь основной лейтмотив — «равенство возможностей», т. е. стартовые возможности у всех одинаковые, но достигает своих целей в жизни упорный человек, который движим своим собственным желанием их достигать.

Конечно, нас интересует вопрос: почему все-таки для людей так важна идея социальной справедливости, чем объяснить эту тягу к поиску якобы справедливого пути распределения благ в обществе. Безусловно, это столетиями накапливающееся ощущение несправедливости из-за постоянного неэкономического принуждения к труду одной части общества (рабов, холопов, крепостных, граждан стран авторитарно-бюрократических обществ) другой, которая овладела рычагами распределения экономических благ.

Нужно при этом заметить, что эффективное регулирование социально-экономической жизни возможно только на нравственных основах, т. е. на критериях морали и нравственности, которые и являются основой справедливости. Но это возможно только при отсутствии системы насилия над человеком и принуждения его к труду помимо его воли. Поэтому социально справедливая экономическая система и одновременно максимально эффективна. Здесь возникает необходимость некоторого анализа имеющегося диалекти-

ческого противоречия между социальной справедливостью и экономической эффективностью.

Известно, что эффективная экономика — это система экономических отношений, где существует баланс между производством, распределением, обменом и потреблением экономических благ. Эмпирический и теоретический анализ показывают, что вся эта система эффективной экономики приводится в действие при наличии соответствующей социальной политики, которая предусматривает инвестирование в человека, его «человеческий капитал», в том числе и формирование разумных человеческих потребностей, предусматривающих достижение соответствующей культуры потребления. Например, основоположник теории факторов производства Ж. Б. Сэй считал, что производство товаров непосредственно связано с потреблением [6]. По его мнению, сколько произведено, столько и должно быть потреблено. Теоретически, таким образом, и достигается социальная справедливость. Рынок должен стимулировать, с одной стороны, возможность постепенного обогащения людей, к этому склонных, а с другой — предотвращать опасность разорения и безработицы других. Отсюда и возникает отрицательное соотношение этих двух противоположностей: социальной справедливости как уравнивающей системы, и экономической эффективности, понимаемой как рациональное поведение человека, направленное на максимальное извлечение прибыли, при балансе спроса и предложения, при отсутствии (или минимальной) инфляции и полной занятости.

Угадывать спрос, т. е. потребности общества — невероятно сложная проблема. В качестве ориентира при этом существует принятая во всем мире теория иерархии потребностей, разработанная А. Маслоу [7]. Здесь, как и везде, можно воспользоваться известной теорией эффективного распределения в обществе, разработанной В. Парето, которая предполагает, что около 80% населения ограничивают свои притязания к социальной справедливости получением благ основных потребностей (физиологические, экзистенциальные, социальные), а 20% — претендуют на другие потребности в виде уважения со стороны и самоуважения (так называемые

«эгоистические потребности»). В соответствии с теорией эффективного распределения В. Парето, более двух третей населения считают социально справедливым общество, где удовлетворяются их социальные потребности по теории А. Маслоу. Но для остальной части населения этого недостаточно. Последние рассматривают социально справедливым такое общество, где удовлетворяются их эгоистические потребности. При этом у них на первом месте потребности в интеллектуальном развитии, возможностях самопроявления каждым индивидом. Именно с этой частью населения всегда возникают основные сложности при разрешении диалектического противоречия между социальной справедливостью и экономической эффективностью. И именно здесь проходит основная граница между диалектикой Г. Гегеля и диалектикой К. Маркса. По Г. Гегелю, для человека главное — его статус в обществе, его значимость среди других людей. То общество, которое создает условия его статусного роста и является социально справедливым и экономически эффективным. По К. Марксу, главное — это принадлежность к общим, установленным экономическим отношениям и этого достаточно для социальной справедливости.

Эти рассуждения логично привели нас к тому, что, очевидно, противоречие между социальной справедливостью и экономической эффективностью не может быть разрешено только в рамках марксистской политической экономии. Невозможность разрешения этого противоречия только методологией марксизма и привела к распаду СССР. Меньшая часть общества (по В. Парето, как мы выше отмечали, около 20%) является самой активной, статусной и она должна быть удовлетворена балансом социальной справедливости и экономической эффективности. Удовлетворенность состоянием справедливости именно этой группы населения и определяет социальное здоровье общества.

С точки зрения марксистской экономической теории, несправедливой является эксплуатация наемного работника собственником капитала (буржуа, по терминологии К. Маркса). По мнению К. Маркса, преодоление этого противоречия возможно только в новой экономической системе, более эффективной и бо-

лее справедливой, чем капитализм. По теории марксизма-ленинизма такая система — это социализм и коммунизм. Опыт построения такой системы в бывшем СССР с 1917 г. по 1991 г. показал, что в социалистической теории недостает важного звена об учете «субъективного рационализма» каждого индивида. И наиболее привлекательным при этом становится капитализм XIX в. с дополнением этого «субъективного рационализма», который и создал к концу XX в. методологию рыночной социальной справедливости и экономической эффективности, которая в последней четверти XX в. получила название «рыночная экономика». Такую систему и пытается создать современная Россия на своем постсоветском пространстве.

Социальная политика в контексте «субъективного рационализма»

К сожалению, все имеющиеся как негативные, так и позитивные примеры зарубежного опыта не имеют достаточной теоретико-методологической основы для ответа на вопрос о том, как соединить социальную справедливость и экономическую эффективность так, чтобы первая стимулировала рост второй. Вместе с тем, нужно заметить, что в целом ответы на эти вопросы в мире есть по принципиальным направлениям.

Во-первых, успех социальной справедливости и экономической эффективности приносит развитие в обществе «экономики знаний» и превращение креативного потенциала человека в основной фактор экономического роста, что позволяет в полной мере использовать потенциал каждого члена общества (по Ф. Хайеку, задействовать «рассеянное знание» в обществе [8]), а не только потенциал узкого круга элиты, достаточного в индустриальный период мирового развития. Ф. Хайек отмечает: «Вопрос о наилучшем способе использования знания, изначально рассеянного среди всего множества людей, или, что то же самое, о построении эффективной экономической системы, является, по меньшей мере, одним из главных и для экономической политики» [8, с. 90].

Во-вторых, именно рост меры социальной справедливости в обществе позволяет обеспечивать стабильное экономическое развитие. Такую социальную справедливость обеспечивает эффективная социальная по-

литика, которая и должна предусматривать стимулирование карьерного роста человека, повышение его статуса, приобретение необходимой профессиональной квалификации, вообще оказывать ему помощь и поддержку во встрече со своей профессией.

В-третьих, социальная справедливость обеспечивает реализацию важного фактора экономической эффективности — это стимулирование принципа «равенства возможностей». Этот принцип особенно важен для молодежи в ее комфортном жизнесуществовании.

Очевидно, что по этим принципиальным направлениям и должна развиваться онтология взаимодействия власти и бизнеса в современной России. Человек — это довольно сложное общественное существо и большую часть своего жизненного времени он проводит не в процессе потребления благ, а в процессе труда. Именно превращение трудовой деятельности в сферу развития человека является наиболее перспективным направлением соединения интересов власти и бизнеса. «Экономика для человека» — это основной императив такого соединения интересов.

Для обеспечения эффективности в этом направлении взаимодействия предпочтительны разные составляющие — например, применение разнообразных технологий социальной работы по обеспечению эффективных рабочих мест. Сюда входит охрана труда (и особенно — пожарная безопасность, учитывая крупные пожары и массовую гибель людей на них за последние годы в стране), организация рабочих мест и создание социально-необходимых условий трудовой деятельности. При этом необходимо принять во внимание концепцию Международной организации труда за 1999 г. под названием «Достойный труд». В соответствии с ней, предпринимателям необходимо позаботиться о каждом рабочем месте и трудовом коллективе в целом, а муниципальным органам власти совместно с бизнесом рассчитать транспортные потоки таким образом, чтобы граждане тратили минимальное количество времени на движение к месту работы и обратно. Кроме того, эффективный труд находится в зависимости от рекреационной составляющей, которая в значительной степени зависит от органов власти, ее организующей роли. Отдых и вос-

становление сил работников преимущественно происходит в соответствующей рекреационной среде муниципальных образований и за их пределами (в системе регионального управления). В этом контексте также важна роль федеральных и региональных органов власти по созданию необходимых законов в сфере труда и отдыха экономически активного населения.

Международная организация труда (МОТ) на своей ежегодной конференции летом 2010 г. выступила с заявлением, в котором призвала к активным действиям на рынке труда для сбалансированного оздоровления экономики. МОТ выразила озабоченность тем, что процесс глобального экономического оздоровления остается «неустойчивым и неравномерным, при этом оздоровление многих рынков труда отстает от оздоровления экономики». МОТ предупредила, что недавно принятые некоторыми странами меры по сокращению дефицита государственного бюджета главным образом за счет социальных расходов «могут напрямую негативно отразиться на рабочих местах и заработной плате». Конференция МОТ также призвала страны претворять в жизнь положения Глобального пакта о рабочих местах. Этот пакт был одобрен на саммите по вопросам преодоления кризиса, который состоялся в ходе конференции МОТ 2009 г. и получил активную поддержку на саммите «Большой двадцатки» в Питтсбурге (сентябрь 2009 г.). Конференция МОТ выступила с четким призывом: «сделать развитие занятости центральным элементом оздоровления экономики».

Важным при этом является макроэкономическое взаимодействие власти и бизнеса, которое приводит к сдвигам в пользу тех сфер трудовой деятельности, где человек занят преимущественно творческим трудом. Важнейшими слагаемыми здесь являются направления на ориентацию экономики для развития человека, человеческого капитала, повышения креативной составляющей экономического роста.

Политика распределения природных ресурсов

Интересны некоторые аспекты политики распределения в контексте социальной спра-

ведливости для современной России, которая эмоционально в значительной степени находится под влиянием социализма бывшего СССР. Это проявляется в постоянном требовании большинства общества к государственным органам власти по перемещению доходов от богатых членов общества к бедным. Если есть «нижняя планка» прожиточного минимума, то возникает требование и к появлению «верхней планки» получаемых доходов.

Политика распределения должна предусматривать равную долю доходов как у государства, так и у граждан. Эта пропорция не выполняется при социализме, где очень высокий уровень перераспределения, что и определяет чрезмерно большую политическую, экономическую и социальную власть у государства. Такая политика распределения приводит к дискриминации индивидов, особенно тех, кто обладает особыми эгоистическими потребностями. Например, М. Фридмен отмечает, что «...экономическая власть может быть широко рассредоточена» [9]. Конечно, политическая власть не может так широко рассредоточиваться, т. к. иначе государство просто не сможет осуществлять свои функции, но максимальное участие граждан в определении политических приоритетов государства каждому гражданину должно быть обеспечено.

Современная Россия пока не выработала у себя эффективной либеральной политики распределения, которая и должна приблизить общество к максимальной социальной справедливости. В значительной степени распределение осуществляется стихийно, бессистемно. Зачастую государство отстраняет себя от политики распределения, а в других случаях осуществляет эту политику слишком жестко. В любом цивилизованном обществе конечной его целью является уровень личного потребления. С позиций социализма — это является крайним проявлением индивидуализма, которые не приветствуются. Те, кто защищают идею распределения, невольно выравнивают потребности всех людей. Противники политики распределения выступают за то, чтобы доходы распределялись так, как это могло бы стимулировать труд.

Безусловно, и выше мы уже это отмечали, современное российское общество

перманентно находится под влиянием социалистических отношений, которые сложились в бывшем СССР. Это проявляется в постоянном требовании значительной части общества к государственным, региональным и муниципальным органам власти к перемещению доходов от богатых членов общества к бедным. Причиной для этого, как показывает проведенный экспертный анализ по имеющимся литературным источникам, является сложившееся устойчивое мнение, что если есть нижняя планка прожиточного минимума, то должна быть и верхняя, т. е. требование к появлению такой планки для получаемых доходов.

Нужно отметить, что это опасная тенденция. Дело в том, что политика перераспределения может привести к замедлению экономического развития страны. По сути, элементы этого замедления можно наблюдать в современной России. Само требование перераспределения уже приводит к утрате трудового стимула у населения, снижает объемы и рост производства. Правительство страны понимает это и предпринимает различные меры по стимулированию экономических отношений в обществе. Например, перераспределение земли было основным лозунгом общественной справедливости в течение столетий во многих странах. Это был основной политический лозунг в России 1917 г. при осуществлении Октябрьской революции. Вопрос о справедливом распределении земли так и не был решен в СССР, т. к. в нем вообще отсутствовал институт частной собственности. В настоящее время в России приняты некоторые законодательные акты по более удобной схеме передачи земли в собственность гражданам, имеющим недвижимость в собственности. Это, конечно, значительный шаг в повышении трудового потенциала населения и улучшения его экономической активности.

Перераспределение природных ресурсов (в частности, земли) — это справедливое вознаграждение, а не равенство доходов. Земля (и все природные ресурсы) — это всеобщее благо всех людей, созданное Природой, а не самими людьми. Но орудия труда уже являются человеческим производением и могут на законных основаниях передаваться и продаваться. Мы должны заметить, что «аг-

ранный эгалитаризм» (все имеют право на землю) имеет некоторые ограничения в развитии мирохозяйственных отношений между разными странами. Например, Б. Муссолини, итальянский диктатор, заявил в 1930-е гг., что бедные страны имеют равное право на природные ресурсы. Есть мнение международных экспертов, что это заявление и стимулировало немецкий фашизм к развязыванию Второй Мировой войны. Очевидно, что эта же причина подпитывает регулярно раздающиеся голоса известных политиков западных стран в современном мире о необходимости раздела богатой природными ресурсами территории России.

Итак, перераспределение природных ресурсов (в частности, земли) — это справедливое вознаграждение, а не равенство доходов. Земля (и вообще все природные ресурсы) являются благом всех людей, созданное Природой, а не самими людьми и их трудом. Орудия труда уже являются человеческими произведениями и они могут на законных основаниях передаваться и продаваться друг другу. Политика распределения должна предусматривать равную долю доходов как у государства, так и у индивидов. Выше мы уже отмечали, что эта пропорция сильно нарушается при социализме, где очень высокий уровень перераспределения, что и определяет чрезмерно большую власть у государства. Такая политика распределения приводит к дискриминации индивидов, особенно тех, кто обладает особыми потребностями. К сожалению, современная Россия пока не выработала у себя либеральной методологии распределения. В значительной степени распределение осуществляется стихийно, бессистемно, государство, зачастую, с одной стороны, отстраняет себя от политики распределения, а с другой, иногда, осуществляет ее слишком жестко.

Мы должны понимать, в любом обществе конечной его целью является уровень личного потребления. С позиций социализма — это является крайним проявлением индивидуализма, который не приветствуется. Те, кто защищают идею распределения, невольно выравнивают потребности всех людей. Противники же политики распределения выступают за то, чтобы доходы распределялись так, как это могло бы стимулировать труд.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы о путях развития социальной справедливости и повышения экономической эффективности в обществе:

— онтология социальной справедливости («справедливое бытие») современной России является приоритетным направлением решения ее национальных проблем в контексте требований глобализирующегося окружающего мира;

— взаимодействие между государством, обществом и человеком должно осуществляться только на твердых нравственных устоях, которые отвергают насилие над человеком и принуждение его к труду; приоритетным является только добровольное и желательное приобщение человека к трудовой деятельности;

— максимальный учет желаний всех социальных групп граждан, которые проживают в конкретных муниципальных образованиях;

— приоритетное развитие творческого потенциала человека, его креативных возможностей.

Поиск онтологических особенностей социальной справедливости в современной России необходим для определения уровня взаимоотношений между государством и гражданином, улучшения нравов в общественной жизни.

Литература

1. *Зарецкий А. Д., Иванова Т. Е.* Онтология социальной справедливости в экономических отношениях современной России. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — №3 (96). — С. 53–61.
2. *Платон.* Диалоги. Книга первая. — М.: Эксмо, 2008. — С. 300.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 536 с.
4. *Прудон П. Ж.* Что такое собственность, или исследование о принципе права и власти. Бедность как экономический принцип. Порнократия, или женщины в настоящее время. — М.: Республика, 1998. — С. 14.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. — М.: Институт

Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), 1948. — 83 с.

6. *Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономии. — М.: Дело, 2000. — С. 39.

7. *Маслоу А.* Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2003. — 245 с.

8. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. — М.: Изограф, 2001. — С. 90.

9. *Фридман М.* Капитализм и свобода. — М.: Новое издательство, 2006. — 240 с.

Поступила в редакцию

30 июня 2013 г.

Александр Дмитриевич Зарецкий — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента Кубанского государственного университета.

Aleksander Dmitrievich Zaretskiy — Ph.D., Doctor of Economics, professor at Kuban State University's World Economy and Management department.

350059, г. Краснодар, 1-й Зеленый пр., д. 15
15 Perviy Zeleniy ln., 350059, Krasnodar, Russia
Тел.: +7 (918) 255-06-32; e-mail: zad94@mail.ru

Татьяна Евгеньевна Иванова — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента Кубанского государственного университета.

Tatiana Evgenievna Ivanova — Ph.D., Candidate of Economics, docent at Kuban State University's World Economy and Management department.

350059, г. Краснодар, 1-й Зеленый пр., д. 15
15 Perviy Zeleniy ln., 350059, Krasnodar, Russia
Тел.: +7 (918) 356-92-34; e-mail: ite15@mail.ru